За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги

Лагеря для советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944)

Елена ДОКУНОВА, аспирантка

Война коснулась практически каждой белорусской семьи. Многие из ушедших на фронт и попавших в нацистский плен до сих пор считаются пропавшими без вести. Число уничтоженных во время Великой Отечественной войны советских военнопленных настолько велико, что по масштабам жертв эту трагедию трудно с чем-либо сопоставить. В связи с рассекречиванием архивных документов возрастает интерес к этой проблеме как в Республике Беларусь, так и за рубежом.

Научный руководитель – КОРШУК Владимир Константинович, доктор исторических наук, профессор

На оккупированной немецкими захватчиками советской территории создавались специальные лагеря для военнопленных: «дулаги» – пересыльные лагеря, «шталаги» – для рядовых и сержантов, «офлаги» – для офицеров. Многие из лагерей имели свои филиалы, которые размещались, как правило, на фабриках, железнодорожных станциях, где можно было использовать труд советских военнопленных. Так, филиалы шталага № 352 (Масюковщина) находились на авиазаводе, хлебозаводе, мясокомбинате и др. (всего было 23 филиала), 86 вспомогательных лагерей для военнопленных существовали при Главной железнодорожной дирекции «Центр» *[1]*. Для военнопленных инвалидов создавались специальные лагеря, например Березвечский лагерь (располагался в 3 км севернее г. Глубокое). Туда переводили военнопленных, непригодность к воинской службе которых не вызывала сомнений: с ампутированными конечностями, слепых, тяжело раненных в голову, душевнобольных, больных туберкулезом легких и другими хроническими заболеваниями. Однако факты свидетельствуют, что данные лагеря заполнялись не только инвалидами, но и здоровыми военнопленными.

Всего за годы оккупации на территории Беларуси в разное время действовало более 160 лагерей для советских военнопленных. Наиболее крупными были шталаги № 352 – 55 тыс. погибших, № 337 (ст. Лесная, Барановичи) – более 88 тыс., № 351 (Глубокое) – 27 тыс., № 314 (Брест) – 7 тыс.; дулаги № 203 (Кричев) – 18 тыс., № 185 (Могилев) – 40 тыс. Общее количество погибших советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси, по данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, составляет более 810 тыс. человек *[2]*.

Впервые организация лагерей советских военнопленных на Востоке была регламентирована военным приказом «О службе содержания военнопленных по плану «Барбаросса» от 16 июня 1941 года отдела вермахта по делам военнопленных. Это распоряжение регулировало полномочия службы содержания военнопленных и принципы, по которым следовало обращаться с ними, а также предусматривало создание лагерей,

ОБ АВТОРЕ

ДОКУНОВА Елена Николаевна.

Родилась в д. Жажелка Смолевичского района Минской области. В 2008 году окончила Белорусский государственный университет, в 2009 году – магистратуру этого вуза. В настоящее время – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета БГУ.
Автор ряда научных статей.
Сфера научных интересов: история Беларуси периода Великой Отечественной войны, советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны.

где их следовало размещать до максимального предела вместимости *[3]*.

Лагеря располагались как в Генеральном округе Беларусь (ГОБ), входившем в рейхскомиссариат «Остланд» , так и в зоне военных действий, и были в юрисдикции разных управленческих структур. Те, что находились на территории ГОБ, подчинялись начальнику управления лагерей военнопленных рейхскомиссариата «Остланд», а в зоне военных действий – командующему тыловыми и охранными войсками группы армий «Центр» Максу фон Шенкендорфу.

Для четкого управления лагерями территория Беларуси была разделена на округа, ГОБ, например, относился к округу «Т». Инспектировали лагеря, контролировали выполнение приказов вермахта окружные коменданты. В соответствии с приказом командующего вермахта в генеральном комиссариате«Остланд» от 20 сентября 1941 года на территории ГОБ окружным комендантом лагерей военнопленных был назначен подполковник Вольтке, резиденция которого находилась в Минске (шталаг № 352 – Пушкинские казармы). В подчинении Вольтке были шталаги № 337, 341 в Слуцке, № 342 в Молодечно, № 351 в Докшицах, № 352, 353 в Гродно *[4]*. С декабря 1941 по июнь 1943 года его сменил Оскар Карковский. Тыловой район группы армий «Центр» входил в округ «Я», комендантом которого был полковник Маршалл *[5]*.

Бараки в шталаге № 352 (Лесной лагерь, Масюковщина). Зима 1941–1942 года

План дулага № 121 (Гомель). Рисунок сделан по памяти бывшим военнопленным П.И. Губиным

1 – входные ворота; 2 – будка охраны; 3 – санчасть; 4 – кладбище; 5 – адм. корпус и склад снабжения; 6 – помещение охраны (в подвале тюрьма); 7 – бараки пленных, посылавшихся на работы в городе; 8 – бараки ослабевших пленных; 9 – кухня; 10 – баня; 11 – барак вновь прибывших; 12,13 – места сжигания трупов; 14 – пулеметные вышки.

ТЕРРИТОРИЯ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ

Захваченные в плен красноармейцы направлялись сначала в дивизионный сборный пункт, затем – в корпусной, после него – в армейский, а оттуда – в дулаги. Основная задача сборных пунктов и дулагов – разгрузка фронта от военнопленных и перевод их в тыловые районы. Лишь после этого их пересылали в стационарные лагеря, которые представляли собой открытое пространство. Эта территория огораживалась несколькими рядами колючей проволоки и обносилась дощатым забором высотой до 3 м. Для наблюдения за пленными устанавливали сторожевые вышки.

Аналогично устраивались и пересыльные лагеря: на огороженной несколькими рядами проволоки территории военнопленные находились либо под открытым небом, либо в неприспособленных помещениях: в конюшнях – дулаг № 121, разбитых казармах – дулаг № 125 (Полоцк), крепостях – дулаг № 131 (Бобруйск).

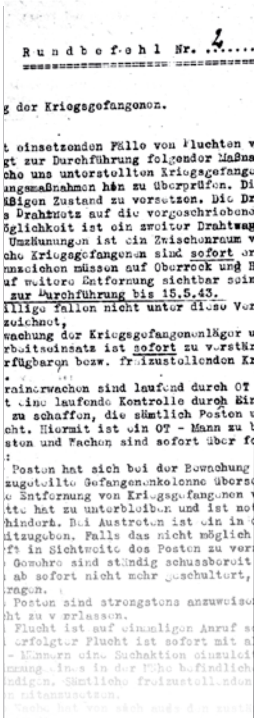
Из отчета коменданта по делам военнопленных округа «Я» полковника Маршалла за 1941 год видно, какими были пересыльные лагеря на оккупированной территории Беларуси. «112-й пересыльный лагерь в Молодечно: 8000 военнопленных под открытым небом, 341-й пересыльный лагерь в Бобруйске: под крышей только 6000 пленных, остальные располагаются в укрепленных ямах в грязи, 220-й пересыльный лагерь в Гомеле: 8500 пленных, из которых под крышей 3000 могут лежать или 5000 стоять». Отчеты

коменданта округа «Я» свидетельствуют, что лагерное руководство по-разному относилось к вопросам организации жизни военнопленных в лагерях. Были коменданты, чья работа по организации лагеря по результатам проведенной инспекции отмечалась как образец. Например, в лагере № 155 (Лида) военнопленные были сформированы по колоннам, в соответствии с национальностью на одежду краской наносились буквы. Другим комендантам инспекторами указывалось на неспособность организовать самое необходимое для пленных; имелись примеры безразличия руководства лагерей к тем, за кого они отвечали (дулаг № 220 (Гомель) – в лагере содержалось 12 857 военнопленных, ежедневно умирало 400 человек).

Типичный внешний вид шталагов можно проиллюстрировать по составленной бывшим военнопленным М.А. Жилиным схеме шталага № 337, хранящейся в краеведческом музее г. Барановичи. Лагерь представлял собой территорию, окруженную двумя рядами колючей проволоки, между рядами забора колючая проволока была растянута по земле в виде спирали «Бруно», по периметру расставлены вышки с пулеметами. В ночное время территория освещалась прожекторами. Основную часть внутренней структуры лагеря занимали 14 бараков для военнопленных, 12 из них были расположены в 2 ряда *[6]*. В бараках отдельно размещались мужчины и женщины, офицеры и рядовые. Для больных военнопленных в лагерях существовал карантинный барак.

В стационарных лагерях военнопленные различной национальности находились отдельно друг от друга согласно приказу верховного главнокомандования вермахта от 24 июля 1941 года. Кроме того, упомянутый полковник Маршалл дал указание о единой квалификации всех военнопленных в лагерях по национальности: «Д» – фольксдойче, «У» – украинцы, «Л» – литовцы, «Ле» – латыши, «Е» – эстонцы, «А» – азиаты, желтая звезда – евреи, «Р» – русские *[7]*.

Бараки были похожи на овощехранилища: полметра заваленной землей стены, над ней торчала крыша с двумя печными трубами, остальное скрыто под землей. Свет туда проникал лишь через открытые двери. Внутренние помещения оборудовались четы-


Rundbefehl Nr. 2 ...
g der Kriegsgefangenen.
t einsetzenden Fälle von Fluchten v
gt zur Durchführung folgender Maßna
che uns unterstellten Kriegsgefange
ungsmaßnahmen hin zu überprüfen. Di
äßigen Zustand zu versetzen. Die Dr
s Drahtnetz auf die vorgeschriebene
öglichkeit ist ein zweiter Drahtweg
Umzäunungen ist ein Zwischenraum v
che Kriegsgefangenen sind sofort gr
nnzeichen müssen auf Oberrock und H
uf weitere Entfernung sichtbar sein
zur Durchführung bis 15.5.43.
illige fallen nicht unter diese Ver
zeichnet,
wachung der Kriegsgefangenenläger u
rbeitseinsatz ist sofort zu verstär
rfügbaren bzw. freizustellenden Kr
raine-rwachen sind laufend durch OT
t eine laufende Kontrolle durch Ein
zu schaffen, die sämtlich Posten u
cht. Hiermit ist ein OT - Mann zu b
sten und Wachen sind sofort über fo
:
Posten hat sich bei der Bewachung
zugeteilte Gefangenenkolonne übers
e Entfernung von Kriegsgefangenen v
tte hat zu unterbleiben und ist not
hindern. Bei Austreten ist ein in
itzugeben. Falls das nicht möglich
ft in Sichtweite des Posten zu ver
Gewehre sind ständig schussbereit
ab sofort nicht mehr geschultert,
ragen.
Posten sind strengstens anzuweise
ht zu verlassen.
Flucht ist auf einmaligen Anruf s
erfolgter Flucht ist sofort mit al
- Männern eine Suchaktion einzuleit

рехэтажными нарами, разбитыми на ячейки шириной метр на полтора. Причем в каждую ячейку помещалось по 3 человека. Проходы между нарами, как правило, тоже были забиты людьми. Военнопленным приходилось лежать на боку, плотно прижавшись друг к другу, следовательно, поворачиваться они могли только одновременно.

Неукоснительны к исполнению были правила для военнопленных, определявшие различные меры наказания за нарушение лагерного режима. В шталаге № 337 этот документ висел в каждом бараке. Согласно правилам, каждого немецкого солдата полагалось приветствовать отдачей чести, иначе – наказание плетьми. Жалоба на немецкого охранника рассматривалась как клевета. За порчу имущества полагалось 25 ударов плетью. В данном лагере существовали строго изолированные бараки и для женщин-военнопленных. В них находилось около 400 женщин различных национальностей, возрастов, профессий, в том числе врачи, медицинские сестры, связистки, парашютистки и другие военнослужащие. Военнопленному мужчине за попытку проникнуть в женский барак грозила смертная казнь.

Необходимым атрибутом любого лагеря было место, где пленных подвергали пыткам (карцер). В ряде стационарных лагерей существовал лазарет для военнопленных, где оказывали медицинскую помощь врачи из числа военнопленных.

Были в лагерях и так называемые показательные бараки (корпуса). Их использовали в основном как инструмент пропаганды, например показательный корпус в г. Борисове. Сам лагерь располагался в больших кирпичных помещениях (до войны это был военный городок), и в одном из них режим и содержание военнопленных соответствовали нормам международного права. Созданные бытовые условия фотографировали для листовок. Военнопленные выступали по радио с пропагандой хорошей жизни в плену, в то время как в остальных корпусах люди умирали от голода, холода, издевательств *[8]*.

ИЕРАРХИЯ ЛАГЕРНОЙ ВЛАСТИ

Исполнительную власть в пересыльных и стационарных лагерях осуществляли коменданты лагеря, обычно в чине полков-

ника. Это были офицеры запаса старше 50 лет. Комендант являлся ключевой фигурой: отвечал за обустройство лагеря и содержание военнопленных. Перед тем как получить эту должность, многие проходили специальные курсы по руководству лагерями для военнопленных. Командные кадры готовили на учебных курсах в шталаге IID в Штаргарде (Померания). В качестве учебных материалов будущие коменданты получали восьмистраничную информационную записку «Мероприятия при начале строительства нового лагеря военнопленных для 1000 русских», а также планы, указания по проектированию и фотоснимки. Окружной комендант Минского округа Оскар Карковский, например, в протоколе допроса отвечал, что на курсах обсуждали организацию лагерей, правила охраны, нормы питания и применение труда военнопленных *[9]*. В стационарном лагере коменданту помогал заместитель. Он вел канцелярию лагеря, журнал учета прибывших и выбывших военнопленных, проверял все охранные посты. В каждом бараке был также русский комендант из числа военнопленных.

Военнопленные за колючей проволокой

Из воспоминаний бывшего военнопленного шталага № 337 М.А. Жилина: «Главным лицом в лагере был комендант Эйгорн, ему было около 60 лет, он хорошо владел русским языком. Вторым лицом был зондерфюрер Мюллер. Он проводил в лагере разнообразные работы, начиная от организации хора и кончая вербовкой добровольцев в немецкую армию и сыском политработников и евреев. Помощником коменданта по хозяйственным делам являлся лагерный унтер-офицер. Он следил за порядком, выводил людей на построение и на кухню, формировал рабочие команды. Ему подчинялись охранники из числа военнопленных. Кроме общелагерного были: кухонный унтер-офицер, унтер-офицеры, ведавшие мастерскими, и унтер-офицер госпиталя» *[6]*.

В управлении каждого лагеря были созданы отделы: абвер, организационный, пропагандистский, производственный и санитарный *[10]*. Абвер вербовал агентуру среди военнопленных, выявлял советских разведчиков, лиц, скрывавших принадлежность к политическому и командному составу РККА, евреев, а также враждебно настроенных к немцам и готовивших побег. Вместе с отделом пропаганды и СД абверовцы вели работу по созданию сети доносчиков, вербовке военнопленных в антисоветские воинские формирования. Возглавлял отдел офицер контрразведки. В функции заместителя офицера контрразведки входил контроль за внутренней и внешней охраной лагеря, проведение допросов. Организационный отдел решал вопросы внутреннего распорядка в лагере, продовольственного обеспечения, регистрации, следил за охраной и режимом содержания военнопленных, составлял отчетность о деятельности лагеря. Производственный – отвечал за формирование рабочих команд, вел учет заявок предприятий на рабочую силу, заключал договоры с ними, распределял военнопленных на принудительные работы и вел отчетность об использовании пленных. Санитарный – контролировал деятельность лазаретов и следил за предотвращением эпидемий в лагерях.

Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя и внешняя охрана. Внешняя была представлена солдатами старших возрастов, входившими в охранные батальоны вермахта, и выздоравливавшими после ранений фронтовиками, в функции которых входило несение караула на вышках и обход лагеря с собаками. Один из солдат немецкой армии в своем дневнике детально описал смену караула в лагере военнопленных в г. Молодечно: «Когда темнело, пленных с помощью собак оттоняли от ограды к центру лагеря. Вечером в десять часов сменялась

охрана, при смене передавали собак и оружие. Охранники поднимались по лестнице на вышку. При передаче оружия часовой, отстоявший свою смену, давал очередь в толпу пленных, согнанных в центр лагеря, как доказательство того, что он передавал исправное оружие. После этого заступающий на пост часовой лично сам проверял пулемет, давая очередь по толпе» *[11]*.

Внутренняя охрана была представлена лагерными полицейскими из числа самих военнопленных. Идея создания лагерной полиции реализовывалась активно. Как известно, она прозвучала в донесении на совещании у начальника Управления общих дел Главного штаба вооруженных сил в Варшаве 4 сентября 1941 года: «Русский военнопленный далеко не такой хороший, как это кажется. Всеми средствами необходимо стремиться, чтобы при обращении с военнопленными соблюдалась в их отношении строжайшая дисциплина. Целесообразно создать из военнопленных лагерную полицию. Командным составом в эту полицию должен быть назначен немецкий охранный персонал» *[12]*.

В лагерную полицию записывались по разным причинам: одни – чтобы выжить, другие – приспособиться к новой власти. Полицаи, так их называли пленные, находились в привилегированном положении. Они получали улучшенный паек, жили в отдельном помещении, пользовались правом свободного перемещения по территории лагеря, были вооружены плетками и дубинками. Военнопленные шталага № 313 называли их «палочные полицаи» *[13]*. Положение полицаев в лагере описал бывший военнопленный шталага № 316 (Волковыск) К.И. Игошев: «Все полицаи носили командирское обмундирование, насильно снятое с пленных, яловые сапоги и кожаные командирские ремни, на левом рукаве носили белую повязку с разными черными нашивками – в зависимости от занимаемого положения. Оружия немцы им не доверяли и даже не выпускали в город. Оружием служили дубинки и специальные плетки с вшитыми в наконечники металлическими предметами» *[14]*. Кроме общей лагерной полиции, в каждом бараке было от 3 до 5 полицаев. Они разыскивали коммунистов, комиссаров, политруков, евреев – всех «нежелательных элементов». Охрана в лагере и вне его назначалась исходя из соотношения на 10 военнопленных – один немецкий охранник.

Несмотря на большой штат охранников, время от времени военнопленным удавалось осуществить удачный побег, перейти на сторону партизан и продолжить борьбу. Широко известны примеры: побег группы военнопленных из авторемонтных мастерских, артистов барака № 6 шталага № 352, побег из строительного отряда шталага № 337, массовый побег из шталага № 351. Для предотвращения побегов нацистское руководство принимало дополнительные меры по усилению контроля над военнопленными при конвоировании их на работу и обратно, на рабочих местах.

В соответствии с приказом «Об охране военнопленных» от 12 мая 1943 года были разработаны дополнительные меры по охране военнопленных: определены задачи, обязанности, меры наказания охранников за побеги военнопленных, указания для комендантов лагерей, дополнительные инструкции по организации инфраструктуры лагеря, правила поведения советских военнопленных в составе рабочих команд *[15]*. Комендантам, в частности, поступило указание проверить лагеря (на надлежащее состояние заборов, проволочного заграждения; необходимо было установить второй забор из проволоки, между двумя ограждениями оставить пространство в 1,5 м). Все военнопленные должны были повторно отмечаться видимыми знаками отличия, которые крепились на верхнюю юбку или брюки. Усилена была и охрана лагерей, особенно рабочих мест. Постовым рекомендовали занимать такую позицию, которая позволяла бы видеть всю колонну пленных. Они

План шталага № 316 (Волковыск). Схема составлена бывшим военнопленным К.И. Игошевым

обязаны были оставаться на рабочих местах с военнопленными. В пытающегося сбежать после одного оклика необходимо было стрелять. Оружие охранники носили заряженным и держали в руке готовым к выстрелу.

Регламентировалось поведение военнопленных в составе рабочих команд. Любое удаление с указанного рабочего места или за пределы видимости постового строго запрещалось и рассматривалось как попытка бегства. В случае успешного побега наказанию подвергался весь лагерь: назначалась более сложная работа, военнопленные на 4 недели лишались дополнительных продуктов питания и табачных изделий.

С.П. Злобин

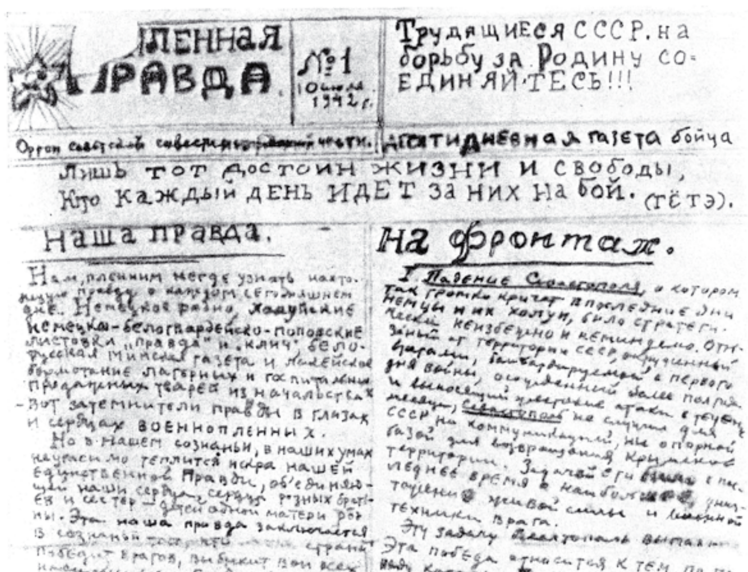
КАТЕГОРИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Каждый лагерь характеризовался своей «внутренней жизнью», своим бытом. Имеются единичные примеры организации «лагерной самодеятельности», проведения богослужений, совершения православными священниками церковных таинств (шталаги № 352, 337, 342). Священники по разрешению коменданта лагеря могли служить молебны. В своих воспоминаниях бывший военнопленный А.И. Плешков шталага № 342 писал, что в лагере был священник, который служил молебны, совершал требы *[16]*. В лагере № 352 в бараке № 6 (известен как барак артистов) военнопленными был создан хор. «Задача деятельности артистов – сплотить группу, настроить на побег, на борьбу, спеть и показать такой материал, после которого не захочется даже раненому отсиживаться за проволокой», – вспоминал бывший военнопленный барака № 6 А.И. Мягков *[17]*. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны хранится его блокнот с записями песен. Этот же барак артистов администрация шталага использовала и в целях пропаганды: в 1943 году состоялось заседание пропагандистов из числа белорусов, программой которого предусматривалось представление «Военнопленные играют для военнопленных».

Одним из примеров антифашистской борьбы в лагерях является издание рукописной подпольной газеты «Пленная правда» бывшим военнопленным шталага № 352 С.П. Злобиным.

Оккупанты выстроили в каждом лагере иерархию среди пленных. Это можно проследить на основании документов и воспоминаний бывших военнопленных, хранящихся в областных архивах, краеведческих музеях.

Так, в привилегированном положении находились перебежчики. Их отделяли от остальных военнопленных, размещали в отдельных бараках, использовали в качестве вспомогательных охранников *[18]*. Далее шли коменданты бараков, полицаи из числа военнопленных, переводчики. На одной ступени находились такие категории военнопленных, как писари, кухонные рабочие, врачи, а также военнопленные артисты – все они получали больший продуктовый паек и были более защищены.



ПЛЕННАЯ ПРАВДА. № 1 10 июля 1942 г.

Трудящиеся СССР. на борьбу за Родину соединяйтесь!!!

ПЯТИДНЕВНАЯ ГАЗЕТА БОЙЦА

Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день идет за них на бой. (Гётэ).

Наша правда.

Нам, пленным негде узнать настоящую правду о каждом сегодняшнем дне. Немецкое радио, холуйские немецко-белогвардейско-поповские листовки „Правда" и „Клич" ...

На фронтах.

I. Падение Севастополя, о котором так громко кричат в последние дни немцы и их холуи, было стратегически неизбежно и ...

Рукописная подпольная газета «Пленная правда», выпущенная С.П. Злобиным в Минском лагере военнопленных. 1942 год

Среднее звено составляли военнопленные рабочих команд. Иногда этой категории пленных удавалось завести контакты с местным населением и осуществить побег. На самой низкой ступени иерархии военнопленных располагались физически обессиленные (военнопленные инвалиды), женщины-военнопленные, евреи и комиссары. Чаще всего после захвата в плен они подлежали уничтожению. Несмотря на то что женщины официально являлись военнослужащими Красной армии, их приравнивали к партизанам и расстреливали согласно плану «Барбаросса» № 3 от 29 марта 1941 года. Лишь в 1944 году положение изменилось: если в результате проверки не было обнаружено «ничего подозрительного», их использовали в сфере «гражданского труда».

Тем самым они получали статус подневольных рабочих *[19]*.

Комиссаров убивали согласно директиве «Об обращении с политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года: «Политические комиссары, как представители руководства войск противника, опознаются по особому знаку на рукавах – красной звезде с золотым изображением серпа и молота… Их следует на поле боя отделять от других военнопленных и уничтожать» – указывалось в директиве *[20, с. 105–106]*. Евреев уничтожали согласно приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД от 17 июля 1941 года *[21]*, физически обессиленных пленных – на основе приказа Кейтеля от 22 сентября 1942 года *[22]*.

Таким образом, как мы видим, в первый год военных действий, когда нацистская Германия была уверена в реализации плана молниеносной войны с Советским Союзом, продовольственному, медицинскому обеспечению военнопленных, организации лагерей для них, а тем более сохранению жизни пленных не придавали особого значения. Изменилась ситуация только весной 1942 года, и не из гуманных, а из практических соображений: нацистской Германии потребовалась рабочая сила. Итак, администрация лагерей была вынуждена улучшать условия содержания: пленных чаще размещали в бараках, появились бани, смертность стала снижаться. Лагеря для советских военнопленных являлись неотъемлемой частью нацистского режима на оккупированной территории Беларуси. Они выполняли функции изоляции, устрашения и ликвидации военнопленных, широко использовали принудительный труд. Система управления военнопленными выстраивалась в строго иерархическом порядке, что упрощало организацию работы в ведении дел военнопленных. В каждом стационарном лагере, с его административным аппаратом управления, был четко отлажен механизм руководства военнопленными. Охрану лагерей для военнопленных несли войска вермахта, внутреннее управление, надзор осуществляла и лагерная полиция из числа самих военнопленных. По своему внешнему виду и внутреннему управлению лагеря – дулаги, шталаги, офлаги – практически ничем не отличались друг от друга, разными были лишь условия содержания военнопленных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перечень лагерей военнопленных главной железнодорожной дирекции «Центр» // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 378. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 1–4.
2. Итоговые сведения о жертвах немецко-фашистских злодеяний по БССР // НАРБ. – Ф. 845. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 8.
3. Kriegsgefangenenwesenim fall Barbarossa № 26/41 16.06.1941 // Bundesarchiv-Militararchiv Freiburg (BA-MA). – 4/v 578.
4. Приказ командующего вермахта о введении должности окружного коменданта // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 952. – Л. 9.
5. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 2000.
6. В фашистской неволе. Лагерь военнопленных 337. Воспоминания М.А. Жилина // Барановичский краеведческий музей. – Инв. № 1976.
7. Приказ коменданта лагерей военнопленных округа «Я» от 24.07.1941 г. // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 36–37.
8. Сообщение А.М. Дмитриевой // Государственный архив Минской области. – Ф. 1 п. – Оп. 1а. – Д. 212. – Л. 50 об.
9. Протокол допроса окружного коменданта Оскара Карковского // НАРБ. – Ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 1168. – Л. 10–12 об.
10. Черноглазова, Р.А. Масюковщина: Шталаг-352. 1941–1944: Документы и материалы / Р.А. Черноглазова. – Минск: Четыре четверти, 2005. – С. 3–4.
11. Кёрнер-Шрадер, П. Дневник немецкого солдата (полевая почта № 01621) / П. Кёрнер-Шрадер. – М.: Воениздат, 1964. – С. 65.
12. Донесение о совещании у начальника Управления общих дел Главного штаба вооруженных сил в Варшаве 04.09.1941 г. // НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 74.
13. Показания охранника лагеря Н.Н. Яриштофика // Государственный архив Брестской области. – Ф. 514. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 6.
14. Воспоминания К.И. Игошева // Волковысский военно-исторический музей имени П.И. Багратиона. – Инв. № 777099.
15. Rundbefehl Nr 2, 12 Mai 1943. Bewachungder Kriegsgefangenen // НАРБ. – Ф. 393. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 3–4.
16. Воспоминания А.И. Плешкова // Минский областной краеведческий музей. – Ф. 1984, 1985.
17. Воспоминания А.И. Мягкова // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 43756.
18. Обращение с перебежчиками. Из распоряжения Главного командования сухопутных войск от 07.03.1942 г. // НАРБ. – Ф. 510. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 153–155.
19. Armeebefehl Barbarossa Nr.3, 29.06.1941 // BA-MA. – RH 26-45/22.
20. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / Сост. Заставенко Г.Ф. [и др.]; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
21. Приказ № 8 начальника полиции безопасности и СД от 17.07.1941 г. об основных направлениях работы оперативных команд в постоянных и пересыльных лагерях // НАРБ. – Ф. 510. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 29–33.
22. Шнеер, А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. / А. Шнеер. – М.: Мосты культуры, Иерусалим: Гешарим, 2005. – 624 с.